

УДК 347.25

**УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ПЕРЕДАЧИ
ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДОДАТЕЛЕМ ПО РОССИЙСКОМУ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ**

Могилевский Г.А.

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Новосибирского ордена Жукова военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, доцент кафедры «Гражданское и уголовное право» Сибирский государственный университет путей сообщения
Российская Федерация, г. Новосибирск*

Аннотация. В статье предпринята попытка на основе законодательных положений, теоретических подходов и анализа правоприменительной практики рассмотреть условия правового механизма передачи по наследству цифровых объектов как элемента наследственной массы. Отмечается «правовой вакуум» в данной сфере правоотношений и излагается его содержание как совокупность пользовательских соглашений между наследодателем и владельцем цифровых платформ. Обоснованы предполагаемые компетенции реализации наследственной трансмиссии цифровых активов субъектом-наследодателем.

Ключевые слова: цифровые объекты, наследственная масса, наследственная трансмиссия, правовой вакуум, наследодатель, цифровая платформа, владелец, пользовательское соглашение, «условное правопреемство», правовые компетенции, реализация, передача прав

***CONDITIONS FOR THE IMPLEMENTATION OF THE LEGAL MECHANISM
FOR THE TRANSFER OF DIGITAL OBJECTS BY THE TESTATOR UNDER
RUSSIAN LAW***

Mogilevskiy G.A.

candidate of legal sciences, associate professor, associate professor of the department of civil law of the Novosibirsk order of Zhukov of the military institute named after army general I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, associate professor of the department of civil and criminal law

Siberian State University of Railway Engineering

Russian Federation, Novosibirsk

Abstract. The article attempts to consider the conditions of the legal mechanism for the inheritance of digital objects as an element of the inheritance mass on the basis of legislative provisions, theoretical approaches and analysis of law enforcement practice. The "legal vacuum" in this area of legal relations is noted and its content is set out as a set of user agreements between the testator and the owner of digital platforms. The proposed competencies for the implementation of the hereditary transmission of digital assets by the subject-testator are substantiated

Keywords: digital objects, inheritance estate, inheritance transmission, legal vacuum, testator, digital platform, owner, user agreement, "conditional succession", legal competences, implementation, transfer of rights

Нормативно-правовая база, предопределяющая механизмы трансмиссии цифровых активов в порядке наследования, в своей доктринальной основе опирается на предписания ч. 1 ст. 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации. Данная законодательная конструкция, будучи универсальной, относит к наследственной массе как традиционные материальные объекты

(вещи) и имущество, так и широкий спектр имущественных прав, равно как и обязанности. Они фиксируются непосредственно на момент открытия наследства. В данной плоскости в современной цивилистике особое внимание уделяется исключительным правам на результаты интеллектуальной деятельности. Они в цифровом континууме репрезентируются в крайне вариативных формах, т. е. от криптографических единиц (криптовалют) и токенов до сугубо виртуальных артефактов (внутриигровых предметов) и библиотек медиаконтента (цифровые книги, музыкальные произведения). Следует отметить, что с позиций актуальной цивилистической догматики, виртуальные активы, что генерируются пользователем или приобретаемые им на возмездной основе, объективно подлежат квалификации через призму исключительного права (либо же права требования к контрагенту-провайдеру). Указанное потенциально позволяет интегрировать их в механизм универсального правопреемства [1].

Вместе с тем, нельзя не отметить наличие существенного доктринального диссонанса при анализе правоприменительного поля: правовой режим виртуальных объектов и транзакций с ними зачастую оказывается за пределами исчерпывающей регламентации норм Гражданского кодекса РФ. Фактически, наблюдается некий «правовой вакуум», который в практической деятельности восполняется не императивными нормами закона, а превалирующими условиями пользовательских соглашений (EULA — End User License Agreement), к которым наследодатель присоединялся в момент инициации своей учетной записи. В этой связи вполне уместен некий промежуточный вывод, а именно: далеко не каждый лицензионный договор предусматривает возможность трансмиссии виртуальных ресурсов. Более того, прослеживается отчетливая тенденция к жесткому ограничению правомочий наследников со стороны владельцев цифровых платформ. Наглядным же маркером такого

подхода служит прямой запрет на переход пользовательского аккаунта либо приобретенного пользователем «имущества» по наследству, который, к примеру, закреплен в п. 4.2.8 Лицензионного соглашения компании Wargaming — разработчика глобальных онлайн-сервисов (World of Tanks, World of Warships и др.). Устанавливая подобные императивные барьеры, правообладатель де-факто оставляет за собой исключительные права на весь цифровой контент. Указанное, по существу, нивелирует саму возможность универсального правопреемства непосредственно в отношении виртуальных объектов, переводя возникшие правоотношения в плоскость сугубо лицензионных сделок, где право пользования активом неразрывно привязано к личности первоначального контрагента, а также прекращается вместе с ним [2].

В связи с изложенным концептуален вопрос относительно того, обладает ли пользовательское соглашение (EULA) приоритетом над нормами наследственного права. Главная трудность здесь заключается в самой правовой квалификации отношений между пользователем и платформой.

Следует подчеркнуть, что российскому законодательству уже известен механизм «условного» правопреемства, непосредственному зависящего от договора или воли третьих лиц. Подобные барьеры легализованы в отношении долей в обществе с ограниченной ответственностью (п. 8 ст. 21 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»), статуса абонента (абз. 4 п. 5 ст. 45 ФЗ «О связи»), прав арендатора (п. 2 ст. 617 Гражданского кодекса РФ) и товарища (п. 1 ст. 1050 Гражданского кодекса РФ). Таким образом, законодатель непосредственно допускает возможность договорного ограничения наследования.

В свою очередь, прецедентная практика Верховного Суда РФ *de facto* обуславливает такие лимиты даже вне непосредственного указания в нормах ГК РФ [3]. Однако, в исключительных случаях (то есть когда виртуальный аккаунт

обладает верифицируемой экономической ценностью) суды могут нивелировать контрактные запреты. При этом подобная аргументация, базирующаяся на политико-правовой концепции «борьбы с цифровым феодализмом», очевидно расходится со строгой цивилистической догматикой. В этой связи оправданно констатировать: при наличии прямого запрета в EULA посмертная трансмиссия цифрового аккаунта юридически невозможна.

С изложенной точкой зрения солидаризируется А. М. Голощапова, справедливо полагающая, что элиминировать права из наследственной массы допустимо лишь в строго императивно установленных законом случаях. Тем не менее, данная концепция представляется убедительной лишь *prima facie*. Фундаментальная коллизия здесь кроется в необходимости доктринально глубокой юридической квалификации базисного отношения «наследодатель — администратор платформы», дабы выявить его сущностную правовую природу. Следует отметить, что именно в указанном сегменте обнаруживается методологическая диссонансность, свойственная актуальной интерпретационной практике Верховного Суда РФ [4], а в случае же если правовая природа данного взаимодействия, опосредованного пользовательским соглашением, детерминируется как потребительская — где пользователь заведомо выступает слабой стороной, — то права, вытекающие непосредственно из подобного договора, безусловно, инкорпорируются в состав наследства.

Подводя итог вышеизложенному, надлежит констатировать: аккаунт подлежит наследованию исключительно в ситуации, когда субъектный состав и предмет правоотношения отвечают квалифицирующим признакам потребительских правоотношений. В подобной конструкции любое договорное ограничение, запрещающее переход прав доступа, следует квалифицировать как ничтожное. Если же природа отношений выпадает из спектра

«потребительских», то договорная клаузула, лимитирующая правопреемство, вступает в законную силу — разумеется, при сохранении за наследниками возможности оспорить такое условие в качестве несправедливого, опираясь на п. 2 ст. 428 Гражданского кодекса РФ.

Библиографический список:

1. Б. М. Булаевский. Гражданский оборот, наследство и динамика наследственных правоотношений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 6. С. 16.

2. Лицензионное соглашение компании Wargaming от 01.04.2017 [Электронный ресурс] — Режим доступа URL: <http://legal.ru.wargaming.net/ru/eula> // Дата обращения: 20.05.2026.

3. О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 года № 17 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс: Судебная практика». Дата обращения 25.05.2026.

4. Кузнецова Н. Основания возникновения преддоговорных информационных правоотношений с участием потребителей // Юридические исследования. 2019. № 1. С. 4.